

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

**КРАСНЫЕ
• ТУМАНЫ •
ПОЛЕСЬЯ**

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 **Красные туманы Полесья / Александр Тамоников.** — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-109827-8

Октябрь 1941 года. На территории Белоруссии зверствуют карательные отряды нацистов. Захватчики жгут города и села, истребляют мирных жителей, рыщут в поисках партизан. Немецкая пропаганда обвиняет коммунистов в том, что они насильно загоняют людей в леса на верную гибель. Сталин в ярости: оккупанты и клеветники должны понести суровое наказание! Для уничтожения представителей «новой власти» в район Минска направляется группа майора Максима Шелестова. У него уже есть смелый план операции возмездия. Но враг силен и безжалостен, а в его методах войны нет ни чести, ни совести — вообще ничего человеческого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109827-8

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночью прошел дождь, и грунтовую дорогу основательно развезло. Лошадь еле тянула повозку и посуху, а тут грязь. Да еще в телеге двое упитанных мужиков. Один, который помоложе, держал в руках вожжи, второй, постарше, развалился на брезенте, брошенном на солому. Оба мужика в черной униформе, на рукавах повязки с надписью «Полиция». Рядом с ними лежали винтовки.

Старший полицейский скрутил самокрутку, набил ее махоркой, прикурил. За телегой потянулся сизый вонючий дымок.

Младший обернулся и спросил старшего:

— У тебя, Евдоким Нилыч, своя махра?

— А чего?

— Да уж слишком запах от нее терпкий. Как от костра, когда дрова жгут.

— У соседа взял, а тот, зараза, листья рубит вместе со стеблями да еще добавляет в эту смесь мелких опилок.

— Зачем? — с удивлением спросил младший полицейский.

— Затем, чтобы никто у него махорки другой раз не спрашивал.

— А как же сам?

— Ты деда Кузьму не знаешь? Для себя он хорошую махру делает, только из листьев.

— Хитрый мужик.

— Глупый он. Приютил у себя семью евреев, как будто не знает, что за ними охотятся немцы. За это и поплатится.

— Слушай, Евдоким Нилыч, а евреи, которые из райцентра сбежали, при себе поклажу немалую имели.

Старший полицейский усмехнулся и спросил:

— Ты, что, Никола, видел, как они убежали?

— Нет, мне корешок Фома Болотов шепнул, что у евреев было три баула, а у мужика, главы семейства, — саквояж старый. Да не простой, на замочек закрытый.

Старший полицейский деревни Лоза Горошинского района выдохнул дым, кашлянул и проговорил:

— Что-то я тебя не пойму, Никола. Ты на что намекаешь?

— Фома говорил, что этот самый Годман Иосиф Абрамович в районной больнице дантистом работал.

— И что?

— А то. Он принимал клиентов не только в больнице, но и на дому. Фома говорил, фиксы ставил. И еще золото втихаря скупал.

Старший полицейский Евдоким Буганов поморщился и проговорил:

— Много знает твой Фома. И когда только успел? Его в каком году на зону определили?

— В позапрошлом. Семь лет дали. Фому немцы из лагеря выпустили.

— Вот. Он с позапрошлого года ни в районе, ни на деревне не был, а все знает. Или, может, ему сами евреи о своих делах поведали?

Шмаров шмыгнул носом и проговорил:

— Я не знаю, откуда Фома прознал про Годмана, сам навел справки. Дантист он. Жена Сара Абрамовна тоже врачиха, только по женской части. Она наверняка левые абортыв делала. А это деньги немалые. Я уж не говорю о дантисте. Ты видел, как они были одеты, когда Кузьмич их привез? Костюмы, платья дорогие у Годмана, жены и детей. Это потом Кузьма Кузьмич их передел, а когда приехали, что ты, прямо как помещики заявились в родовое гнездо.

Буганов выбросил в грязь окурок и спросил:

— Ты что, Никола, завидуешь им?

— Еще чего. Кто же мертвякам завидует?

— Они еще живы.

— Все одно мертвяки, раз вовремя не ушли на восток, хотя такая возможность у них была. Вон из Гороша сколько евреев свалило. Весь вокзал был занят ими не один день. Но ведь есть такие, которые остались, в том числе и семейка Годмана. Не пойму я этого, Евдоким Нилыч. Ведь знают, что немцы их в покое не оставят, а не уехали. Почему?

— Это ты у них спроси. Не уехали — пусть на свою тупость пеняют.

— Евдоким Нилыч, ведь немцы порешат евреев, так?

— Ну, порешат, и чего?

— В общем, каратели грохнут евреев и все их добро заберут. Я очень сомневаюсь в том, что золото и другие ценности, припрятанные Годманом, попадут в казну районной управы. Поэтому давай, как вернемся, устроим Годманам шмон. Все, конечно, забирать нельзя, возьмем половину. Думаю, нам и этого будет за глаза.

Буганов внимательно посмотрел на Шмарова и спросил:

— Ты сам надумал грабануть евреев или, может, Фома Болотов тебя на это толкает?

Шмаров сдвинул кепку на затылок и заявил:

— А если и Фома? Так даже лучше. Он грабанет, а мы его повяжем или пристрелим при попытке к бегству. И получится, Евдоким Нилыч, что бывший зэк вернулся в деревню и обобрал евреев. Допустим, я увидел его на улице с саквояжем, который он обязательно заберет, хотел задержать, а он на меня с ножом. Вот я его и прибил. Саквояж я так припрячу у себя в огороде, что никто никогда не узнает, был ли он вообще. Евреев особо спрашивать не будут. А если и допросят, то те укажут на Фому. Я же скажу, что не было при нем ничего, только нож. И добыча окажется у нас, и к грабежу мы отношения иметь не будем, напротив, завалим уголовника. Да мы даже и знать не будем, что Фома грабитель. Он просто окажется на улице с ножом и под хмельком да набросится на сотрудника полиции, за что полагается смертная казнь. Мы обязаны охранять порядок на деревне, вот и выполним

свои обязанности. Как о том думаешь, Евдоким Нилыч?

Старший полицейский усмехнулся и сказал:

— Смотрю, в глазах огонь загорелся. Ты и без меня все уже решил.

— Может, и решил, но без твоего разрешения на дело не пойду. Велишь мне выбросить из головы эту затею — будет по-твоему. Только Фому уже не останавливать. Он сдуру может и порезать евреев, ему это раз плюнуть. Немцы заявятся, а казнить прилюдно и некого. Думаешь, простят нам это? Да начальник полиции Калач на нас отыграется, чтобы выслужиться перед бургомистром и комендантом. Глядишь, и к стенке поставит. Или того не может быть?

Буганов свернул очередную самокрутку, ненадолго задумался, потом проговорил:

— А ты, Никола, умней, чем я думал. Чего же ты в колхозе при Советах не поднялся, а все в коровнике навоз чистил? С твоей башкой можно было и в начальство пробиться. По евреям вон какую тему замутил.

— То раньше было, нынче другое время. При Советах колосок с поля возьмешь — и в лагерь загремишь, а сейчас воля, свобода. Так чего ты по делу скажешь? А то скоро уже и райцентр.

Буганов глубоко затянулся и сказал:

— Ладно, согласный я. Но только все на тебе. Я ни при чем. Сам с Фомой все решишь, да так, чтобы евреи живы остались.

Щербатая физиономия Шмарова расплылась в довольной ухмылке.

— Не сомневайся, Евдоким Нилыч, все будет как надо. Нас еще наградят за примерную службу.

— Ты озаботься, чтобы саквояж не нашли, если повальный обыск устроят. Про него наверняка не только вы с Фомой знаете.

— Спрячу так, что ни одна собака не найдет. Я недавно сортир переставил, старая яма уже заполнилась дерьмом до отказа. Вот в нее и затолкаю саквояж. Кто в ней копать станет? Даже если и штырем тыкать будут, все равно не найдут. На самое дно затолкаю.

Буганов сплюнул и заявил:

— О таких подробностях мог бы и не говорить.

— Так я для того, чтобы ты спокоен был.

— Ценю. Но учти, делить добро позже будем так: две трети мне, одну — тебе.

— С чего так-то?

— А с того, что я начальник. Либо так, либо никак. А Фому я арестую к чертовой матери по приезде в деревню.

Шмаров подумал и кивнул.

— Лады. Пусть так.

— Все, веди лошадь к церкви. Там встанешь и ждать меня будешь.

— А разве в управу не поедем?

— Ты делай то, что тебе сказано, Никола. Вот станешь вместо меня, тогда будешь начальствовать, а сейчас исполняй приказ.

— Ладно. К церкви, так к церкви. Только неудобно там.

— Со стороны алтаря встанешь. Колодец рядом, клячу напоишь.

— Слушаюсь!

Шмаров подогнал повозку к церкви, в которой в советские времена был склад зерна. Буганов слез с телеги, навесил на плечо винтовку, пошел по улице Береговой, ведущей к реке, у крайнего подворья остановился, осмотрелся. Во дворе вроде никого.

И вдруг сзади раздался голос:

— Ты опоздал, Евдоким.

Буганов резко обернулся.

За плетнем среди кустов сарая стоял начальник полиции района, бывший директор автобазы Мирон Фадеевич Калач. Он был в штатской одежде, но из-под пиджака явно проглядывала кобура.

— Извиняйте, господин Калач, молодых лошадей забрали, остались одни клячи.

— Не продолжай. Справа калитка, заходи и шагай по тропинке в дом.

— Угу, понял, господин Калач.

Начальника полиции жители района боялись больше, нежели немцев. На его совести были сотни красноармейцев, захваченных при выходе из окружения и замученных в подвалах местной тюрьмы, коммунистов и комсомольцев, которые не успели уйти из города, членов их семей, обычных обывателей, нарушавших порядок, введенный с приходом немцев. Всем было известно, что Калач лично допрашивал офицеров Красной армии, представителей партийного и советского актива района. Он

долгое время жил рядом с этими людьми, дружил с ними, участвовал в разных мероприятиях.

Этот бывший поручик царской армии переметнулся на сторону красных и возглавил небольшой отряд в далеком Туркестане. Затем он был начальником лагеря, где отбывали сроки политзаключенные. Калач вернулся в родной Горош в тридцать седьмом году. Этот кавалер ордена Красного Знамени, партиец, был назначен директором районной автобазы.

Он умело скрывал свою истинную личину. Никто в райцентре и подумать не мог, что орденосец Мирон Фадеевич Калач с тридцать девятого года работал на немецкую разведку. Он был завербован в Москве проституткой, оказавшейся агентом абвера.

Новые хозяева оценили его работу. Когда немецкие войска оккупировали этот район, Калач, на удивление многих, был назначен начальником местной вспомогательной полиции.

Совсем скоро о его личных допросах по Горошу поползли страшные слухи. Это были отнюдь не пустые сплетни. Они вполне начали оправдываться, когда на площади перед бывшим райкомом партии на месте снесенного памятника Ленину неожиданно возникли пять виселиц. Полицай согнали к ним всех, кого можно было. Из подвала райкома они вывели двадцать советских активистов, избитых, покалеченных. Калач собственными руками надел петли на их шеи, выбил табуреты, проходя от одной виселицы к другой.

Народ ахнул. Немцы из оккупационной администрации и командиры подразделений, приданных ей, смотрели на казнь со стороны.

Потом полицаи привели на площадь семьи казненных, тех, кого сумели захватить. Шесть женщин, двенадцать подростков, пятеро детей. Все связанные. Они опухшими от слез глазами смотрели на повешенных мужей и отцов.

Мест на виселицах не было. Калач после короткого жеста коменданта райцентра штурмбаннфюрера Фишера приказал своим полицаям поставить семьи казненных к стене райкома. Забились в истерике женщины, закричали подростки и дети, ничего не понимавшие.

Калач шел вдоль строя и стрелял из пистолета в затылок несчастным жертвам. Его «ТТ» имел магазин емкостью в восемь патронов, а расстрелять надо было двадцать три человека, так что ему пришлось дважды перезаряжать оружие. Калач делал это не спеша, аккуратно, словно не убивал женщин и детей, а занимался обычным делом на своей автобазе.

После расстрела Калач поднялся на трибуну, где находился штурмбаннфюрер Фишер. Рядом с ним стоял глава района, бургомистр Станислав Григорьевич Роденко, в недавнем прошлом директор Горошинского ремесленного училища. Когда-то он был подпрапорщиком в армии Колчака, тоже встал на сторону Советов и дослужился в РККА до командира эскадрона. Компанию им составляли офицеры рот охраны и СС, переведенной в район

из состава батальона, расквартированного в Минске. Командовал им штурмбаннфюрер Марк Хавер.

Речь о поддержании нового порядка должен был произнести бургомистр, но листок с текстом так дрожал в его руках, что комендант приказал начальнику полиции:

— Говори ты, Калач!

Он произнес речь, смысл которой, впрочем, никто из местных жителей не понял. Все они были поражены кровавой казнью, которую провел бывший директор автобазы.

А через сутки из Минска в Горош были доставлены сорок семей евреев. Их должны были разместить в гетто, но городская администрация не успела подобрать подходящую жилую зону, а посему полицаи вывезли всех в лес и расстреляли в овраге. Мирон Калач отличился и там. Он уничтожил из пулемета более двадцати несчастных евреев.

Немного позже официанты единственного в райцентре ресторана, называвшегося в довоенные времена «Парус», а теперь переименованного в «Мюнхен», рассказывали, как немцы обсуждали жестокость Калача. Даже им в диковинку было, что начальник полиции для пыток использовал гаражный инструмент. Он домкратом ломал ноги и руки, плоскогубцами крошил пальцы, вырывал ногти. Этот негодяй особенно любил пытки паяльной лампой.

Мирон Калач быстро заслужил репутацию крайне жестокого и беспощадного прислужника оккупантов и прозвище Изверг. Его изуверские методы стали известны даже генерал-комиссару Белорус-

сии Вильгельму Кубе, резиденция которого находилась в Минске.

Калач всю старался сделать карьеру. Он, как и многие предатели того времени, был абсолютно уверен в том, что СССР падет до ноября сорок первого года, и первой ступенью своей карьерной лестницы видел должность бургомистра. Сначала пусть районного центра.

Буганов прошел в приземистую хату. Внутри чисто, два стула, стол, лежанка, плотная занавеска между двумя комнатами. В двери сеней вделан крепкий замок немецкого производства. Впрочем, сейчас они были открыты.

Он присел на стул.

Следом вошел начальник полиции, устроился напротив, достал из кармана пиджака какую-то схему, расстелил ее на столе, бросил рядом пачку немецких сигарет, зажигалку.

— Угощайся, Евдоким.

— Благодарю, господин Калач, но я привык к махорке.

Начальник полиции поморщился и заявил:

— Разве можно привыкнуть к этой гадости? Конечно, и немецкое курево, между нами говоря, полная дрянь, это не советские папиросы, однако мы, представители новой власти, должны соответствовать установленному порядку. Ты давно в ресторане не был?

Этот вопрос оказался неожиданным и неуместным. Но он был задан.